

«... Тяжёлая плата, смешная цена. Тут, главное, шляпа была бы цела. И, конечно, мне дорого где-то. То, на что эта шляпа надета.»

Слова из песни Михаила Боярского в кинофильме «Человек с бульвара Капуцинов».

В нынешнее слюнявое время, когда свободная любовь и сексуальная раскрепощённость поколебала моральные устои даже консервативных слоёв населения на просторах империи двуглавого орла, навряд ли найдётся кто-нибудь, кто хоть раз не изменил своей жене, ну а жена не наставила своему благоверному красивые ветвистые рога. И если за подобные преступки когда-то стрелялись на дуэли, топились в проруби или жрали мышьяк, то сейчас на такое смотрят сквозь пальцы. Трахаются повсюду. В трамвае, троллейбусе, автобусе, в сортире, на рабочем месте, в забегаловках и клубах, на стадионах и в бассейнах.

Производители таблеток, зубной пасты, шурупов, гвоздей, отвёрток запихивают в огромные рекламные проспекты полураздетых топ-моделей, откровенно демонстрирующих свои прелести вместе с этими самыми гвоздями. Типа того — вколачивая куда-нибудь гвоздь, думай о том, как после этого вколотишь своё хозяйство во влагалище или ротик жене или кому-нибудь ещё. Кому? Ну в рекламе же чёрным по белому, вернее, всеми цветами радуги расписано и разрисовано.

Пользуясь достижениями пластической хирургии и косметологии, девки отращивают настоящие бороды, а парни запросто изменяют пол. А бывает и так, что приударил за симпатичной девушкой паренёк, в постельку её затащил, и тут вдруг выясняется, что и не девушка вовсе, а самый что ни на есть транссексуал. И как расценить такое диво? А так и расценить, что это универсальное создание умеет в постели абсолютно всё, и способно удовлетворять как мужчин, так и женщин, причём зачастую одновременно. А новомодное словечко «инцест» вам о чём-нибудь говорит? О-о-о, инцест. Это вообще отдельная область сексуальных отношений. Это когда мамы, папы, бабушки и дедушки, дяди и тёти, братики и сестрички, в общем, всевозможные родственники, вдруг слетают с катушек и начинают жить половой жизнью, выбирая партнёров исключительно в пределах своего родового гнезда. К примеру, внучечка делает минет дедушке, а сынок вовсю трахает свою собственную мамашу. O tempora! O mores! (О времена! О нравы!) А кто не заходил на сайты с доминирующими женщинами? Наверное, таких уже нет.

Ну а для тех, кто всё-таки не в курсе, поясню: доминирующие женщины — это те самые развращённые дамочки, которые любят сексуально главенствовать над склонными к мазохизму мужиками и девицами. Проще говоря, издеваются и унижают. Они наряжаются в облегающий латекс, на каблуках, их строгие лица всегда смотрят надменно и свысока.

Многих сам взгляд уже возбуждает. Они трахают своих сексуальных жертв силиконовыми членами, лупят их плётками, плюют и мочатся им на лица. А не задумывались ли вы, что они из себя представляют, эти так называемые госпожи. А то же самое, что и их жертвы. И если такую госпожу скрутить в бараний рог, и как следует оттрахать её же способами, она получит не меньшее, а может быть даже ещё большее удовольствие. Возможно, я не права. Но в жизни бывает всякое, и мне довелось повстречаться с такими леди на самом деле, а не в каком-то там виртуальном пространстве.

Начинался новый день и, как обычно, я приступила к работе. В старом городском парке

царила осень. Ветер шевелил полы моей униформы и водил хоровод опавшей листвою. Листья в перемешку с мусором повсюду шелестели под ногами и помахать метлой следовало на совесть. Быть может, со стороны покажется, что ничего особенного в такой работе нет. Тем не менее, это совсем непросто. Да и физически нелегко. Не верите — попробуйте сами несколько часов поподметать, пособирать и на себе перетаскать эти горы мусора вперемешку с опавшими листьями. Изрядно вспотев, я собрала несколько мешков и плотно их утрамбовала. Как всегда, в это время года работы было много. Справившись с наведением порядка на своей территории, я отправилась в старый уголок парка, где находилась моя подсобка. И вновь эта вульгарная особа. Ну, как же без неё-то. Целую неделю с завидным постоянством сюда приходила эта наглая девка и отравляла мне жизнь. Она всё время занимала одну и ту же лавочку и, завидев меня, принималась разбрасывать мусор. Ощущение того, что ей просто нечего делать, и что с головой у неё не всё в порядке, у меня прошло сразу после первой же встречи. И цель её прихода читалась на лице. Она всегда устраивались на спинке лавочки, ставя ноги в грязных туфлях на чистое место, то есть туда, куда вообще-то нормальным отдыхающим предназначалось садиться. Как только я появлялась, она принималась раскидывать вокруг себя всякий мелкий мусор и при этом внимательно следила за моей реакцией. Она бросала пустые банки или пластиковые стаканчики на землю, высыпала окурки и шелуху от семечек на только что вылизанную мною территорию. Затем наблюдала за тем, как я убираю теперь уже её свинство. Однажды я сделала замечание:

— Что, специально здесь мусоришь? Назло, да?

— Тебе какая разница. Давай, убирай здесь всё как следует. Тебе за это платят — нагло заявила она как ни в чём не бывало — давай, повышай квалификацию. Хорошенько нагибайся, не сачкуй.

— А что, в урну нельзя всё выбросить?

Она неспешно слезла с лавочки, подошла ко мне, и по хозяйски прикоснулась рукой к моему лицу. Её мягкие пальцы нежно погладили меня по щеке и она проговорила:

— Слышишь, ты, я буду здесь делать, что хочу. Я отдыхать сюда пришла, а ты будешь делать свою работу. Вот это тоже уберёшь — и она высыпала к моим ногам полный кулёк шкорок теперь уже от тыквенных семечек — давай, наводи порядок. Ты так потеешь возбуждающе, и мне нравится, как ты кланяешься в моём присутствии.

Девица отвернулась и неспешной походкой отправилась прочь. Через несколько шагов она обернулась и напоследок сказала:

— До завтра — и отправила в мою сторону воздушный поцелуй — увидимся. Запомни, теперь твоё место будет у моих ног. Это тебе информация к размышлению на сегодня.

Навести порядок мне было несложно. Дело было в другом. Даже учитывая её огромное желание показать своё превосходство, намусорить она много не могла. Угадывалась цель сексуального домогательства, и нахалка давала понять, что пока не трахнет меня как задумала, не отцепится. Чем-то моя персона привлекла её внимание. Чем же? Ведь если разобраться, то она мне в дочери годится. Всё это не просто так. Эта девица наметила меня в жертву и строила на меня планы. Пока что дальше глупого хамского поведения она не заходила. Прощупывала почву, так сказать. Но это пока. Это она присматривается. Недалёк тот час, когда она переступит черту и перейдёт к действиям. Это обязательно произойдёт. А если произойдёт, то быть мне её сексуальной рабыней. Возможно, надолго. Это как ей в голову взбредёт. Именно с такого наглого поведения и начинается порабощение. Было два

пути. Первый. Один раз как следует врезать по морде и этим дать понять, кто есть кто. Но не факт, что потом она не побежит жаловаться моему начальству, типа маньяк-дворник занимается рукоприкладством и ни с того ни с сего избивает мирных отдыхающих, да и не мой это метод решать проблемы подобным образом. Второй путь — отступить. Просто взять и уволиться. Или попросить перевести на другой участок. И больше здесь никогда не появляться. Но чего это ради я буду бросать работу или переводиться в неудобное для меня место из за какой-то дуры, которая, скорее всего, уже кого-то склоняла к сексуальному подчинению. Наверное, понравилось. Она молодая, да глупая. Настолько глупая, что до сих пор не поняла той простой вещи, почему я не отвечаю на хамство и не иду на открытый конфликт. Наверное, какая-нибудь другая уже давно бы отреагировала на провокации. И угодила в расставленный капкан. Её не смущало моё олимпийское спокойствие. А за плечами жизненный опыт у меня кое-какой накопился. Сорок лет мне уже. Хоть и выгляжу молодо. Существовал и третий выход из ситуации. Принять навязываемые условия, подчиниться и сыграть с ней в рабыню. Чем чёрт не шутит. А вдруг мне понравится её доминирование? Был в моей жизни момент попытки моего сексуального унижения. Произошло это давно, лет десять назад. Работая в магазине Магнит, ко мне попыталась прицепиться заведующая-лесбиянка. У нас эти заведующие почему-то всё время менялись. Вот и опять очередная новенькая нарисовалась. Лучше бы зарплату с такой повторяемостью повышали. И с появлением новой шахини через какое-то время я стала замечать, что некоторые молодые кассирши частенько ходят к ней в кабинет, закрываются и подолгу там что-то делают. Вначале я не обращала на это внимания, но как-то раз проходя мимо, услышала страстные охи и ахи. В рабочем кабинете? А затем из этого кабинета вышла моя напарница. Верхние пуговицы её униформы были расстёгнуты и она второпях поправляла причёску. Завидев меня, она отвернулась и побежала прочь по коридору, резво свернув за угол. Всё было ясно с первого взгляда, но виду я не подала. Что-же, стоило ожидать приставаний теперь уже и ко мне. Надеяться, что этого не произойдёт, было бы глупо. Всё вышло так, как я и предполагала. Уже через два дня.

— Надя, у тебя опять недостача — сказала заведующая, подходя ко мне как-то сбоку.
— Елена Владимировна, я сдала кассу копейка в копейку.
— Да что ты? А я сказала — недостача. Раз я сказала, значит так и есть. Высчитаю в трёхкратном размере. Получишь в этом месяце дырку от бублика. Полгода без получки пахать будешь. Но есть вариант отработать по другому. Я не тороплю. Подожду, пока сама не приползёшь ко мне на карачках.
— А это как, отработать по другому?
— А так. Зайди ко мне через полчаса. Поговорим.
— А если я положу на стол заявление по собственному желанию.
— Не выйдет, золотце, я заставлю тебя отработать две недели по производственной необходимости. А потом уволю по статье с волчым билетом безо всякого выходного пособия. А за что уволить, поверь, я найду. Тебя что, не учили, что руководству надо подчиняться? Может, ты плохо материал усвоила? Я же вижу, что ты неглупая девочка. Надеюсь, ты всё поняла. Или надо наказывать?

Само собой, всё было ясно. Предыдущие любовницы надоели. Или чем-то не устроили. А я ей приглянулась. Как обращаться с нищебродками типа меня, походу она знала. Деваться было некуда и я отправилась к ней в кабинет.

— Заходи и закрой за собой дверь на замок.

Она встала и вышла из-за стола. Подойдя ко мне, она молча протянула руку и погладила меня по щеке.

— Я нравлюсь тебе? — вот так с ходу нагло спросила она.

— Если вы в сексуальном плане, то я не мужик, не могу ответить на ваш вопрос.

— Ничего, сейчас ты всё поймёшь и прочувствуешь.

С этими словами она принялась расстёгивать на мне рубашку и запустила руку мне под юбку.

— Не дёргайся, сейчас тебе хорошо станет.

Я не стала ждать, когда мне станет хорошо. Сделав вид, что возбуждаюсь, я вдруг резко наотмашь врезала ей по щеке. Естественно, Елена Владимировна не ожидала моего отпора и, потеряв равновесие, свалилась на пол.

— Ах ты сучка — прошептала она, пытаясь встать на колени, и я заехала ей ещё раз. Не давая опомниться, я уселась на неё верхом и сдавила руками её горло. Играть, так по своим правилам. Заведующая пыталась как могла отцепить мои руки, ругалась и мотала головой. Она вырывалась и сопротивлялась, но справиться со мной не могла. За всю свою жизнь я перетаскала столько ящиков, мешков и тюков, что завсегдатаям фитнес клубов такие нагрузки и не снились. Я была намного сильнее и проворнее. Одной рукой я сжала оба её запястья как клещами, а второй рукой нашупала промежность и принялась медленно гладить. Затем, запустив сразу два пальца в её пещерку, я нашупала клитор и стала размеренно и методично дразнить. Ласкала я нежно, но требовательно, и Елена Владимировна не устояла. Вначале она перестала сопротивляться и молча лежала, беззвучно шевеля губами. Затем тяжело задышала и я отпустила её руки, которые безвольно легли мне на бёдра.

— Надя, не надо. Пожалуйста.

— Ещё как надо — сказала я и шлёпнула её по щеке ещё раз — получай удовольствие. Я продолжала ласкать её глубоко внутри и рука моя намокла. Заведующая потекла и выгнулась навстречу, поглубже насяживаясь на мою руку. Она стонала и прикасалась языком к моим пальцам, двигавшимся по её лицу. А я гладила её за щёчки и губки, и нежно мяла вмиг затвердевшие мячики. Я ласкала и периодически шлёпала её по щеке, заставляя её вылизать каждый мой пальчик по отдельности. Спесь начальницы растворилась в никуда и Елена Владимировна стонала и просила ещё. Она прижимала к себе мою руку, хвастаясь внутри её промежности и страстно шептала слова благодарности. Наверное, в этой роли ей бывать ещё не приходилось и все ощущения она переживала в первый раз. Затем она кончила так, что почти потеряла сознание и мощная судорога оргазма сотрясла её тело. Обильно вымазав мою руку, она удовлетворённо вздохнула и сопротивляться уже не пыталась. Её не смущало даже то, что она лежала на полу в неудобной позе, а я сидела на ней сверху. Можно было заставить её отлизать и тем самым подчинить полностью, но в мои планы это не входило. Я подошла к раковине и начала мыть руки, а Елена Владимировна поднялась с пола и села на стул. Всё время она молча за мной наблюдала. Держа в руках полотенце я повернулась к ней, продолжая вытираять руки.

— Ничего не хочешь больше со мной сделать? — спросила наконец она.

— Нет, ничего — я бросила полотенце на её рабочий стол и направилась к выходу.

— Стой. Надежда, а ну-ка остановись. Давай, трахай меня ещё. Я приказываю, ты обязана меня трахнуть. Вернись и грубо со мной поступи.

— Нет.

— Пожалуйста. Я прошу. Изнасилуй меня. Отхлестай и трахни. Раз начала, то продолжай. Я хочу тебя. Давай, насилуй. Я потом премию выпишу. Я денег дам. Бери меня, сволочь проклятая!

— Нет — ответила я и вышла из кабинета.

— Чтобы ты сдохла, селёдка фригидная — орала она мне вслед, позабыв о том, что дверь открыта и нас могут подслушать.

Закрывая дверь, я слышала звон разбитого графина и отборный мат. Возможно, я свалила дурака. Надо было по полной её раскатать и сделать своей рабыней. Она так страстно просила этого и готова была раскошелиться даже. Видать, я дала ей то, чего ей в жизни переживать ещё не приходилось. Госпожа побывала в роли рабыни, и получила немыслимое, сказочное удовольствие. И ведь не страшила какая-нибудь. Вполне симпатичная и стройная, вся ухоженная. Но мне почему-то вдруг стало противно. На следующий день я положила на её стол заявление об уходе и она молча его подписала. Ты перестаёшь принадлежать себе и становишься моей вещью. В садомазохизме это называется поступлением в рабство. Для тебя это должно означать глобальную перемену в жизни. Я очень строгая госпожа и наказываю сурово. Но тебе понравятся мои наказания.

Она нагло смотрела на меня и вполне серьёзно говорила мне эти гадости. Я даже растерялась и не знала вот так сразу что ответить.

— А если я не пришла бы, так не мусорила бы? — наконец сказала я.

— Ну, не знаю. Ну ты же пришла. Значит, тебе нравится моё отношение к тебе. Сегодня я подготовила тебе первый сюрприз. И для тебя это будет нечто новенькое. Тебе понравится, обещаю.

— Что ещё.

Девица бросила на лавочку шоколадную конфету и наступила на неё. Затем растёрла. Вымазанной в грязь и теперь уже и в шоколад подошвой, она потёрла сверху по другой ноге, обильно выпачкав носок туфли и часть колготки внизу. Вынув из косметички стодолларовую купюру, она сложила её вчетверо и засунула под каблук. Интересно, где это она такой дряни научилась?

— Теперь внимательно слушай и запоминай. Я два раза не повторяю. Сейчас ты вылижешь языком мои туфли и ножки. Ты вычистишь всё на совесть. Видишь, какие они грязные. И туфельки особенно. Всё это вылизывается языком без помощи рук. Неходить же мне теперь с грязными ногами. Как тебе моё первое задание? Оно кажется простым. Как только твой нежный язычок вылижет подошвы моих туфелек, он распухнет от царапин. Потому что ты будешь очень стараться. Ты ведь любишь сладкое? Заодно вытащишь зубами вот эти сто баксов в конце твоей работы. Я их выпущу из под ноги, когда сочту, что колготки и туфли на мне идеально чистые. И подошвы с каблучками должны блестеть как на параде. Если справишься плохо, я проткну тебе ладошку шпилькой насекомый. Это будет первая метка за нерадивость. Затем мы пойдём в твою каморку, там я пописаю тебе в ротик, ты его как следует прополоскаешь и отлижешь мне писю. Я люблю, когда рабыни мне лижут расцарапанными язычками. С сегодняшнего дня и с этой минуты твоей обязанностью становится уход за моей обувью, моими ногами и моей писей. Наказывать я буду за малейшую провинность. Тебе ясно, шлюха? Я два раза не повторяю, и если ты плохо с первого раза усвоила материал, второй раз я буду его в тебя вбивать плетью и розгами.

Она смерила меня презрительным взглядом и добавила:

— Встать на колени, ползи сюда и приступай к своим новым обязанностям — теперь в её голосе звучал металл.

Она выставила вперёд ногу и опёрлась каблуком о край лавочки.

— Вообще-то не очень мне твоя программа нравится. Но если бы я и любила сладкое, не подошла бы к тебе. Не обольщайся на мой счёт.

— Тогда я к тебе подойду, моя программа тебя сейчас сразу устроит — она привычно слезла с лавочки и неспешно приблизилась вплотную.

Окинув вновь меня холодным взглядом, она немного помолчала и продолжила:

— Я не пойму, тебе что неясно? Я как-то не так к тебе обращаюсь? — всё твк же нагло спросила она.

И тут же хлесткая пощёчина, нанесённая с молниеносной быстротой, как-то снизу и без замаха, обожгла мне лицо. Да так, что искры в глазах замелькали. Затем колено девицы внезапным скользящим ударом смазало мне между ног. Резкая боль пронзила всё тело и я упала на колени. Удар был нанесён профессионально. Причём боль от него стала только нарастать. А проклятая девка воспользовалась моей беспомощностью и наступила мне на шею грязной туфлём.

— Это ещё не наказание. Если я что-то приказываю, отвечать — слушаюсь, госпожа. Если наказываю, отвечать — спасибо, госпожа. Попробуем ещё раз, посмотрим, как ты усваиваешь материал.

Девица вернулась на лавочку и уселась на прежнее место.

— Итак, шалава, ползи сюда и начинай вылизывать мне обувь. Я знаю, что ты парализована болью, но если я приказываю, значит ползи всё равно. И если я встану и подойду второй раз, к тебе придёт уже настоящая боль. Ты ещё не знаешь, как я могу наказать за неповиновение. Ползи ко мне!

О чёрт, что она со мной сделала? Болит всё сильнее между ног и огнём полыхает. Я тихо стонала от боли, не в силах произнести ни слова, а девица спокойно продолжала:

— Ты, мразь ползучая, меня ждать что-ли хочешь заставить? Ладно, иду опять к тебе.

Готовься к новой боли. Теперь её будет целый океан.

— Нет, не надо — взмолилась я — ох, её и так целый океан, я ползу, госпожа, ползу.

— Быстрее, мои ноги нуждаются в чистоте.

И я поползла. Даже если бы я и попыталась встать, то всё равно бы не смогла этого сделать из-за нарастающей боли. Что она мне там сделала? Ведь и била-то не очень сильно. И острых предметов в её руках не было, да и колени голые. А болит так, как будто бы между ног раскалённую кочергу засунули.

До лавочки было несколько шагов, но они мне показались таёжными километрами. Когда я подползла к краю лавочки, тело буквально разрывалось и пульсировало огнём.

— Облизывай — приказала она и подвинула ногу вплотную к моему лицу.

Я колебалась. Сколько грязи-то, зараза, навешала на ногу, да ещё и конфетой размазала.

— Давай, начинай — она наступила второй ногой мне на плечо, а рукой крепко обхватила за волосы.

— Нужно только начать, а потом тебе понравится — проговорила она уже ласковым тоном и пригнула мою голову к своей ноге.

Я уткнулась лицом в её тёплую и мягкую стопу в колготке и первый раз провела по ней

языком. Грязь вперемешку с шелухой и раздавленной конфетой сразу попали мне в рот, но каблук врезался мне в плечо и я начала облизывать снова и снова.

— Вот так, давай, продолжай — она переместила руку чуть ниже и начала гладить меня за шею, подбородок и где-то за ухом. Вторая рука скользнула мне под майку и гладила за горошинку соска — тебе ещё как понравится. Давай, вылизывай, а то я старания что-то не вижу. Вылизывай и не вздумай выплёвывать шкорки и грязь. И окурок вот здесь тоже прилип. Всё надо принять в себя. Когда ноги и туфли я сочту чистыми, ты полижешь мне писю. Весь день лизать будешь, пока мне не надоест. Потом ты будешь наказана за непокорность. Для начала двадцать плетей будет достаточно. Там видно будет. Может добавлю ещё.

Боль наконец начала отступать. Но от нежных рук Оксаны теперь по телу распространялось парализующее блаженство. Опытная стерва, хоть и молодая совсем. От её действий мне хотелось подчиняться всё больше. Словно злой колдун сделал так, что принимать унижения вместе с болью от какой-то соплячки вдруг стало целью моего существования. Ядовитое блаженство грозило парализовать полностью и красивые ножки я просто обязана была сделать чистыми во что бы то ни стало. И туфли тоже. Ведь они обуты на ноги госпожи. Значит, заслуживают чистоты. И чистыми их сделать госпожа пожелала моим языкам. А впереди ждала моей ласки её нежная киска, а потом будут сладкие обжигающие плети от её рук. Она красивая, завораживающе красивая. И ноги. Такое совершенство, пожалуй, я видела лишь на полотнах Рафаэля и Тициана. Она, конечно, знает всё о себе.

— Старательнее, старательнее, не вижу рвения — говорила она и продолжала меня ласкать. Когда боль отступила настолько, что я смогла самостоятельно двигаться, я вдруг обхватила её ноги, и, резко поднявшись с колен, опрокинула госпожу с лавочки навзничь. Всё же остатки воли победили во мне развратное рабское повиновение, и я поднялась в полный рост. Оксана же, опрокинувшись навзничь, лежала теперь поверженная на земле. Я прыгнула на неё и вмиг оказалась верхом на её груди. Выплюнув грязь ей в лицо, я схватила её оба запястья в один кулак и, как и в прошлый раз с заведующей, сжала их клещами. Девушка попыталась освободиться, но не смогла. Да, бить в запрещённые места она умела, а вот физической силы ей явно не хватало. Дура и есть дура. Хотя почти что ей удалось меняексуально поработить, и сделать своей покорной подстилкой. Но это почти. Ситуацию удалось переломить, и теперь я второй рукой уже под колготками гладила её за губки.

— Ну шалава, я тебе сейчас устрою — шипела Оксана и извивалась как могла. Я продолжала настырно ласкать. Девица выкручивалась и шипела как змея в попытке освободиться, но в какой — то момент вдруг обмякла. Из её губ вырвался вздох блаженства и она выгнулась навстречу моей руке, насаживаясь поглубже. Я разжала пальцы и её руки упали мне на бёдра. Я же настойчиво продолжала дразнить клитор несостоявшейся госпожи. Теперь она и не думала сопротивляться, а только двигалась навстречу моим стимуляциям и нежно стонала. Я заставила облизать её все пальцы на своей руке, после чего она страстно кончила. Какое-то время я молча сидела на ней, потом слезла с госпожи и уселась на лавочку. Оксана наконец, поднялась с земли. Она всхлипывала, вытирая слёзы и сопли. Затем уставилась на меня:

— Ты трахнула меня, да? — потрясённо спросила она — мы так не договаривались — продолжала она хныкать, словно у неё отобрали любимую игрушку.

— Ну да, я вижу, тебе понравилось.

— Да, я кончила как следует. Теперь ты моя госпожа? — как-то по детски спросила девица, переставая плакать.

— Я ничья не госпожа, не рабыня, я просто так, сама за себя. И ты тоже не госпожа и не рабыня. Ты девушка, которой давно уже пора замуж.

— Я не понимаю.

— Поменьше всякой гадости читай, может быть поймёшь своё предназначение в этой жизни. А то — госпожа! И мании величия поменьше.

— Ладно, я подумаю — сказала она и, нагнувшись, подняла стодолларовую бумажку.

Я стояла и наблюдала, не выкинет ли она ещё какой-нибудь фокус. Но девушка вдруг ловко засунула стодолларовую купюру мне в карман и, развернувшись, быстро побежала прочь. Где-то посреди аллеи она остановилась и крикнула:

— До завтра, я приду, мне понравилось. Я приду, и ты назовёшь своё имя.

Она снова повернулась и теперь, уже не торопясь, пошла по дорожке вдоль аллеи.

— Меня Надя зовут — крикнула я ей вслед, но девушка уже скрылась за зарослями высоких декоративных кустов.

Уже вечером дома я разделись перед зеркалом и осмотрела себя. Ни хрена себе! Огромный чёрно-багровый синяк красовался немного повыше лобка с красными полосами чуть ли не через весь живот. И раньше, чем через три недели, не рассосётся. Чёртова девка явно где-то этому научилась. Просто так ударить не получится. Определённо, специфическая тренировка. Сама когда-то занималась. Завтра она снова придёт. Что будет на этот раз? Я не знала. Но мусорить она больше не будет, это точно. Хоть бы подольше это завтра не наступало. Потому что в первый раз мне не хотелось идти на работу. В смысле, не вообще на работу, а в этот дурацкий парк, где я чуть-чуть не попала в сексуальное рабство к взбалмошной девице. Но работа есть работа, и идти туда всё равно придётся. Куда конечно же, заявится и она...

ARHIMED